

Сергей ИВАНОВ

доцент Санкт-Петербургского гос. политех. университета,
кандидат философских наук

АРХИТЕКТУРА КИЕВА ИДЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

С тех пор как Магдебургское право заложило основы современного городского самоуправления город и гражданское начало генетически неразрывны между собой. Именно городская жизнь и рожденный ею дух общности в судьбе сделали возможным, по определению О. Шпенглера, «волшебство *личностной свободы*» [1, с. 372]. Внутри стен растущих и крепнущих городов сходящиеся в них культурные потоки обретали единое русло, формируя универсальный тип европейской (то есть *городской* по определению) культуры. Во всем этом и сокрыта великая тайна исторической неизбежности урбанизации общества и ее неотделимости от идеологии западного либерализма.

У нас любят смотреть на Запад, любят подражать Западу, а то и просто перенимают у него готовые формы, неважно какого содержания. В любом случае ущербное (именно такое — чего уж скрывать!) славянское сознание истолкует их исключительно в позитивном свете.

В 1991 г. Украина — некогда крупнейшее после России федеральное образование на территории СССР, стала независимым государством со столицей в Киеве.

Этот город упоминается в летописях с IX века. Именно отсюда — с привольных берегов Днепра, — берет начало русская государственность и появляются первые образцы каменного зодчества. За долгую историю Киев знал периоды подъема и упадка, выгорал дотла, приходил в запустение и расцветал заново, отстраиваясь и наполняясь жизнью. Был он и в составе Великого княжества Литовского. Позднее, после унии Литвы с Польшей, входил в состав Речи Посполитой. Несколько столетий чужеземного влияния, при потере прежних связей с Северо-востоком Руси, не прошли бесследно не только для конкретного города, но явились решающим фактором для формирования своеобразного в культурно-языковом

отношении южнорусского (или «украинского» в польско-австрийской интерпретации) этноса.

Вместе с тем, в этот исторический период Киев живет достаточно интересной и полноценной жизнью европейского города. С начала XV в. здесь действует магистрат, ведающий административными, финансово-хозяйственными и судебными делами. В XVI–XVII вв. в Киеве закладываются основы своеобразного и очень лиричного стиля в архитектуре — так называемого «украинского барокко».

Под властью русских царей — Киев крупный губернский город и важный административный центр всего Юго-Западного края, неофициальная третья «древняя» столица Российской империи. В наследие от той эпохи городу остаются такие сооружения как Марининский дворец (1750–1755 гг.) и Андреевская церковь (1749–1754 гг.), спроектированные Б. Ф. Растрелли в стиле барокко; Октябрьский дворец (бывший Институт благородных девиц, 1838–1842) — прекрасный образец позднего классицизма работы В. И. Беретти; знаменитые киевские форты и военно-административные здания, среди которых отдельно следует упомянуть Алексеевское военное училище архитектора Н. А. Шехонина (1915–1916 гг.; ныне Военный лицей); загадочная причудливость модерна и многое другое.

Отдельный период в истории города — 1917–1991 гг., трактуемые современной украинской историографией обычно в сугубо негативном свете. Не вдаваясь пока в идеологический контекст советской эпохи, отметим лишь, что *практически* было осуществлено в развитии архитектуры Киева за эти годы. Путеводителем же в этом направлении для нас станет такое специфическое понятие как «Генеральный план города». Как известно, это основной градостроительный документ, определяющий стратегические направления развития города и его отдельных функциональных зон. Говоря проще, генплан — идейный каркас и целостный образ, того, что предстоит создать.

Прежде, чем воплотиться в камне, город возникает в сознании человека. Именно мысль является той активной формой, которая преобразует пассивное пространство «по своему образу и подобию», выстраивая и увековечивая во времени самое себя. Чем грандиознее замысел, тем более грандиозных он требует средств. Однако и средства далеко не всегда играют решающую роль. Когда-то Г. Вельфлин определил стиль как «всеобщность нового чувства формы в данное время». Для действительно масштабного переустройства — будь то в сфере социальной или градостроительной, —

единственным надежным критерием его жизнестойкости является способность предлагаемого проекта *ясно отвечать на главные запросы и веления эпохи*. При этом «...чем менее личной рефлексии в произведении, тем выше его художественное достоинство» [2, с. 40]. Можно добавить: «...и социальная значимость». Ни воля, ни индивидуальное «Я» архитектора сами по себе уже не имеют здесь особого значения. Лишь когда усилия многих соединены воедино, когда элита и массы являют собой единство мысли и действия, становится возможным появление действительно Большого стиля. Гениальность конкретного автора этим отнюдь не принижается, но получает возможность для практической реализации, смысл которой в способности не только уловить *общее*, но и адекватно воспроизвести его в творении.

Кстати говоря, сила проклинаемого ныне сталинизма как раз и заключалась в том, что он умел действовать не только террором, но аккумулировал в себе запросы масс; не просто выступал от их имени, а зачастую (надо признать и это!) — в их интересах.

Поэтому советский «Генеральный план» города, по сути, — калька *той* эпохи. Он интересен тем, что отражает именно *плановый*, то есть, главный принцип социалистического развития великой страны, начиная с 1930-х. Уточним, что это документ далеко не рекомендательного характера. Это директива. Генплан составлялся на основе общегосударственных нормативов, предписывавших делать «только так», а не иначе, исходя зачастую из абстрактных («... как далеки они от народа»), но претендующих на «научную обоснованность» параметров и показателей.

Тем не менее, документы подобного рода позволяют воскрешать предпосылки Великого переустройства не только конкретных городов, но всей державы. Это печать эпохи, установка на то, какой она хотела бы себя запечатлеть в веках. Поэтому внешняя рациональность советских градостроительных концепций не должна вводить в заблуждение. Здесь превалирует область трансцендентного, почти религиозная установка Великого Зодчего (под которым следует понимать весь советский народ) на заоблачные выси Града небесного, созидаемого из имеющихся материалов в конкретной точке земного шара.

Советский Киев знал четыре Генеральных плана развития: 1936-го, 1949-го, 1967-го и 1986-го годов. И каждый из них по-своему отразил мироощущение эпохи социализма на соответствующих отрезках истории.

Генплан '1936. Разработан под руководством профессора Петра Хаустова. Интересно и достаточно красиво передавал главные черты сталинской архитектуры: монументальность и оперирующий языком классических архитектурных форм историзм.

К этому времени Украина уже мощная индустриальная республика. Трудности и лишения прошлых лет, казалось, ушли навсегда. С 1934 г. столичные функции перенесены из Харькова в Киев. Все это и определяет главный лейтмотив намеченной реконструкции: превратить «...былой город церковей и монастырей в архитектурно законченный, подлинно социалистический центр советской Украины» [3, с. 13].

Хотя Генплан '1936 так до конца и не был реализован, — помешала война, можно с уверенностью сказать, что в целом он был удачен. Киев принял вид действительно современного¹ города.

Генплан '1949. Восстановление разрушенного и тема Победы — два ключевых момента в концепции развития Киева, предложенной архитекторами Александром Власовым и Борисом Приймаком. К 1945 г. в городе уничтожено 42% жилого фонда, некогда миллионное население не превышает 180 тыс. жителей. Крайне жесткие обстоятельства вынуждают аккумулировать силы на конкретных точках приложения, выбирая наиболее значимые направления строительства.

В короткий срок заново отстроен Крещатик и прилегающие улицы, созданы жилые массивы Первомайский и Отрадный, начинается застройка Дарницы... Вместе с тем строгая иерархичность сталинской эпохи, выстраивавшая в ранг не только людей, но и города, запечатлелась в Генплане-1949 целым рядом ограничений: от высоты зданий до длины платформ в метрополитене. Уместно привести слова Евгения Лишанского, так комментировавшего ситуацию: «Проектировщики непрерывно пытались доказать, что директивно заниженные Госпланом показатели не соотноветствуют реальности, но утвердить объективный взгляд не удавалось. На память от тех споров нам остались перроны киевского метро, рассчитанные на прием лишь пяти вагонных секций, и — аналогичные нелепости» [4, с. 217–218].

Другая — уже стилевая крайность — это апогей ампира! Хотя после окончания Второй мировой войны неоклассицизм на Западе

¹ Один факт для пояснения слова «современный»: по данным на 1932 год длина киевских улиц составляла 548 км (или 7,9 млн. м²). Из них было замощено лишь 45,5% по длине, или 25,4% по площади...

был дискредитирован как идеологически ангажированный стиль тоталитарных диктатур, этот процесс не затрагивает СССР. Напротив, как и после Отечественной войны 1812 года, язык классики, сочетаемый с пышностью и великолепием форм, кажется единственно достойным средством для выражения триумфа победы в самой страшной из войн.

Несмотря на то, что развитие этой тенденции было политически перечеркнуто Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (1955), сделанное оставило яркий, можно даже сказать — *праздничный* след в облике Киева, да и всей советской архитектуры того времени.

Генплан '1967. Пресловутая хрущевская «оттепель» дала толчок мощным миграционным процессам внутри страны. Главными центрами притяжения при этом становились крупные административные и культурные центры. Чем больше город, тем быстрее он растет. Для западных социологов этот вывод уже давно был банальной истиной. Но для советских архитекторов, приученных к мысли о принципиальном отличии «социалистической» архитектуры от «буржуазной» архитектуры Запада, такая мысль знаменовала переворот в сознании. Оказывается, градостроение может быть «внеклассовым», а город космополитичен по своей природе! Они лишь *функция* неких универсальных процессов, не зависящих от капризов идеологии.

После XX съезда КПСС старые догмы рушились как карточный домик. Система утратила ауру святости. У людей стали появляться сомнения. Идеологическое единство было нарушено, а сама, казавшаяся такой грандиозной целью подменена решением мелких, сиюминутных задач.

Самое заметное в архитектуре тех лет — ее приниженная распластанность. Вышеупомянутое Постановление 1955 г. и начатая вслед за ним общественная кампания означали не просто смену курса, но возврат в прошлое. Функционалистские методы освоения пространства вновь, как и тридцать лет назад, были объявлены единственно верными и отвечающими духу *современной* архитектуры. «Людам не нужны красивые силуэты городов, им нужны квадратные метры», — доказывал Хрущев. Характерно, что Запад, на который неявно ориентировалась советская архитектура (открещиваясь при этом от всякой с ним идейной близости как черт от ладана), в это время уже переживал период «эстетической усталости»

и отхода от функционализма. В СССР же начиналась эра безликих и малогабаритных пятиэтажек.

Лавинообразный процесс увеличения городского населения дал начало развитию урбанистики как самостоятельной ветви научного знания. Сферой урбанизации признается общество как таковое, структура которого фокусируется вокруг сети городских центров. Декларируется, что странам социализма (и только им) присущи такие черты урбанизации как соразмерность хода укрупнения городов и хозяйственного развития; наличие объективных предпосылок для регулирования урбанизации в целях создания благоприятных условий для жизни трудящихся и тому подобное. Между тем административное распределение людских ресурсов по-прежнему оставалось главной движущей силой всех миграционных потоков.

Таков был социальный и идейный контекст разработанного Институтом КИЕВПРОЕКТ (архитекторы Б. Приймак, Г. Слуцкий, В. Гречина и Н. Мусатова, инженеры И. Казимиров, Я. Левитан и др.) второго послевоенного Генерального плана. Его особенность в том, что впервые архитектурно-планировочная структура украинской столицы была осуществлена в едином градостроительном комплексе со всей пригородной зоной. Киев рассматривается уже как мегаполис, центр крупной агломерации.

В плане четко проступала радиально-кольцевая структура города. Была предусмотрена опоясывающая Киев окружная дорога. Городская застройка выдвигалась на берега Днепра. Здесь были запланированы семь жилых массивов — неплохих в пространственно-композиционном отношении, но, к сожалению, типовых и безликих в своей одинаковости. Предусматривалась реконструкция городского центра, ряда улиц и площадей. Улучшалась городская инфраструктура и транспортные возможности. Левый берег должен был стать «ближе» благодаря двум мостам — Северному и Южному (Московскому и Харьковскому). Планировалось значительное увеличение и без того не малых лесопарковых зон, вынесение ряда предприятий за пределы городской черты.

Генплан '1986. В 1978 г. специалисты КИЕВПРОЕКТА под руководством Николая Дёмина приступили к разработке технико-экономического обоснования нового Генерального плана. В качестве основной задачи предусматривалось решение архитектурно-планировочной структуры города и регулирование территориального развития в рамках Киевской агломерации и системы группового расселения.

Идеология работы базировалась на выводе, что современный советский город — это сложная, развивающаяся система социально-экономического типа. Вместе с тем, перегибы в чрезмерной концентрации рабочей силы и увеличении промышленного производства зачастую имели следствием сугубо механический прирост городского населения, намного превышающий все проектные расчеты. В Киеве, например, эта разница достигла 0,5 млн человек, в связи с чем, несмотря на полное освоение программ жилищного строительства, в обеспечении людей жильем возникали немалые проблемы.

Понимание разработчиками реальной ситуации позволило избежать прежнего радикализма предъявляемых требований и создать Генплан, образцовый для всего Советского Союза; учитывавший, казалось, все возможные превратности городского развития. Впрочем, в том, уже далеком 1986 г., никто и не подозревал, что скоро сама жизнь начнет вносить в него коррективы совсем неожиданного рода...

На современном этапе функционирование украинской архитектуры определяется критериями в корне отличными от тех, что доминировали в советские времена. Некогда всеобъемлющая роль государства свелась в сфере градостроения к лаконичному тезису: «Дозволено все!» Главный плюс такого подхода очевиден: город, наконец, перестал быть простым «механизмом» для решения государственных задач и получил возможность не директивного, но свободного развития. Казалось бы, что может быть лучше? Однако проблемы возникли.

Первые годы после выхода Украины из состава СССР, — это довольно мрачная полоса развала всего производственного механизма, массовой остановки предприятий и отключения электроэнергии в домах, безработицы, многомесячных задержек мизерной заработной платы², галопирующей инфляции, нищеты и отчаяния. За короткий срок население страны сократилось на 3,5–5 млн жителей. Относительное благополучие сохранялось лишь в Киеве. Жизнь в нем была несколько легче, а зарплаты у людей — выше. И это закономерно. В столице концентрировались основные финансовые потоки, располагались властные структуры, близость к которым позволяла сколачивались огромные, хотя и не очень праведные состояния.

¹ Для тех, кто подзабыл о цене «успехов»: размер среднемесячной зарплаты на Украине в 1993–1994 гг. составлял менее \$10. Прочие комментарии, думаю, излишни.

Симптоматично и то, что системный кризис, охвативший экономику страны в эти годы, пожалуй, в наименьшей мере затронул строительство. Несмотря на приостановку или полное прекращение возведения многих промышленных объектов, жилищный сектор, в целом, продолжал функционировать. Хотя и не прежними ударными темпами, но дома строились. Большой прилив дешевой рабочей силы из нищей провинции, да и просто желание устроиться и вести дела в столице (а для тех, кто преуспел, то и жить в собственной 2–4-этажной «хатынке») предопределили строительный бум, начавшийся в конце 1990-х годов.

Впрочем, у руководства страны и города были еще и другие заботы — «европейского» масштаба. Киевляне помнят, как начиналось, с замены асфальтового покрытия центральных улиц и площадей, грандиозное переустройство столицы летом 1996 года. Ставшая сейчас привычной декоративная плитка далеко не однозначно воспринималась тогда, вызывала немало нареканий и упреков в адрес мэра: от разбазаривания средств, до порчи каблучков на женских туфлях. Вместе с тем, следует признать, что строительство и общественные работы — это старый, проверенный способ преодоления безработицы, не только создающий новые рабочие места в конкретной сфере, но и, подобно локомотиву, вытаскивающий целый ряд сопутствующих производств из экономического тупика.

В Киеве сейчас строят много, но строят очень неоднозначно. Подчас даже можно услышать, что современной киевской архитектуры нет. Так ли уж беспочвенны подобные оценки?

Если вспомнить советскую архитектуру — то это не только сталинский ампир. Были еще и авангард 1920-х и эра хрущевки и «типовое строительство» 1970–1980-х. Никто не станет говорить о красоте сооружений той поры, хотя встречались и тогда достаточно яркие проекты, в которых талант архитектора реализовывался во всей своей силе, не смотря ни на смену, ни на призывы к «целесообразности». Важно, однако, не это, а то, что за преобладающей простотой и пуритански скромной безликостью строений угадывалась вполне конкретная идея социальной справедливости. То есть, содержание и форма определенным образом соответствовали друг другу. Был стиль! И он отображал эпоху, позволяя рассматривать ее в терминах эстетического, отображал такой, какой она была, со всеми ее «плюсами» и «минусами».

Совсем не случайно «советскость», в последнее время, уже не вызывает былого раздражения. И причина тому не просто в «нос-

тальгии» по временам стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Ностальгия это ведь не столько тоска по тому, что ушло, сколько неудовлетворенность тем, что осталось. А то, что состояние «новой» архитектуры Киева далеко от удовлетворительного — факт уже очевидный.

Во времена заката СССР «свобода творчества» как одна из граней той абстрактной свободы, которой бредили интеллектуалы и художники, считалась едва ли не панацеей от всех бед и неизменным условием для невиданного расцвета культуры. Действительно, возможность строить не по шаблону открывает перед архитекторами большие возможности, но они отнюдь не безграничны. И главным ограничителем здесь как раз и оказывается сама эта возможность, — возможность для всех... Былых запретов более не существует и архитектурный «новояз» стремится скорее заявить о себе во весь голос.

Претензия на своеобразно понятую «европейскость» — вот, пожалуй, первое и главное впечатление от знакомства с ним. Новая архитектура не просто подражательна. Она еще плебейски спесива и самоуверенна. В ней много глянцево-декоративного, много игрового и даже гротескного. Она разнопланова, но в ней нет ни надежного идейного фундамента, ни национального колорита, ни творческого поиска, ни реализации действительно нового. Самое же печальное в том, что это закономерно.

В свое время Макс Вебер пришел к выводу о благотворном влиянии на художественное творчество так называемой «продуктивной напряженности», возникающей между социальными институтами и художественной сферой. После 1991 г. «неожиданно» выяснилось, что для развития, а тем более реализации творчески преобразующих возможностей одной свободы мало. Более того, подлинное творчество и безграничная свобода оказались противоположены друг другу.

Если проанализировать состояние не только архитектуры, но всей художественной сферы 1990-х — начала 2000-х годов, то обращают на себя внимание две основные ее особенности: с одной стороны, резкая количественная активизация; с другой — тенденция всецелого понижения качественного уровня создаваемых артефактов, падения профессионализма, оскудения общезначимых стилевых форм.

Причины этого, во-первых, заключаются в том, что во времена СССР методы кнута и пряника, дополненные разветвленной систе-

мой контроля, не оставляли места для творческого самоуспокоения. Достигнутое, даже если оно признавалось шедевром, должно было ориентировать на неудовлетворенность сделанным, на неудовлетворенность собой, побуждая к еще более высоким свершениям. И в ту эпоху эти установки не просто работали, но, являясь едва ли не главными для мастера, наделяли его произведения дополнительной образностью и смысловой нагрузкой.

Во-вторых, этому способствовало также и идеологическое противостояние двух систем. Как пишет проф. Б. Ерофалов, оно «предполагало предельное напряжение и экономики, и ума, и творческих сил. И если ресурсов на достойную жизнь и строительство не хватало, это становилось поводом для объективной критики. Но величие общих целей, «планов громадьи» и ядерный накал страстей поднимали уровень всякой задачи, в том числе градостроительной и архитектурной, до вселенского масштаба» [5, с. 245–246].

На данном этапе, нет уже ни тех «целей», ни тех «уровней». Да и демократическая Украина — не былой Советский Союз. Идеологические битвы закончились, оставив после себя руины деградирующей культуры. На карте появились новые государственные образования — слабые, не играющие самостоятельной роли, но являющиеся всего лишь разменной картой в большой политической игре. Для Украины наступила эра внутреннего плюрализма и такой же плюралистичной по духу стала ее архитектура.

Окончание следует

1. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. — М., 1998. — Т. 2: Всемирно-исторические перспективы.
2. Соловьев Вл. Сочинения. — М., 2000. — Т. 1: 1873–1876.
3. Молокин А. Г. Проектирование правительственного центра УССР в Киеве // Архитектура СССР. — 1935 — № 9. — С. 13.
4. Ерофалов Б. Л. Советские генпланы города Киева // Ерофалов Б. Л. Девять лет А.С.С: Концепции. Манифесты. Обращения. — К., 2004.
5. Ерофалов Б. Л. Архитектура Киева: другое // Ерофалов Б. Л. Девять лет А.С.С: Концепции. Манифесты. Обращения. — К., 2004.